

УДК А-16

С. Д. Абрамович

**ПРОБЛЕМА «ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ»
В ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями.

Научная картина мира, сформировавшаяся в лоне Просвещения, противопоставляет церковно-средневековому, спиритуализированному мировосприятию т. н. «картезианскую» парадигму, в которой «объективно существующая материя» вообще, по сути, вытесняет понятие духовности и сводит к минимуму значимость внутреннего мира человека, возведенную на пьедестал христианством.

Формирование социально-гуманитарных наук в XVII–XVIII веках сперва проходило под сильным влиянием естествознания. Его очевидные успехи породили стремление объяснить решительно все на основе математических вычислений и законов механики. До начала XIX в. в гуманитарной сфере наблюдается доминирование математического мышления. Затем, вплоть до конца XIX в., основательное давление на гуманитарную мысль оказывает еще и классическая механика. Это порождает философский позитивизм и формирование структурного подхода, в частности – и в сфере языковой деятельности человека.

Формулювання цілей статті (постановка завдання). Однако примечательно, что как раз в дискурсе позитивистской, естественнонаучно-философской мысли стало развиваться и представление о *субъективности образа мира*. И задачей данной статьи является анализ ситуации формирования данного понятия и его трансплантации в гуманитарное знание, в первую очередь – в филологию.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми і на які спирається автор. Само понятие «картина мира» введено немецким физиком Г. Герцем и развито М. Планком, которые, правда, еще исходили из того, что в физике таковая есть отражение закономерностей природы. Но, по мере перехода от механической картины мира к релятивистской, начинает осознаваться важность учета того, что С. Кьеркегор именовал аппроксимацией («приблизительность» исследовательских оценок); Э. Гуссерль вводит идею «интенциональности»; у Э. Маха и Р. Авенариуса центр зрения переносится не на «внешние» явления, а на *психологию наблюдателя* – онтология эмпириокритицизма существенно отлична от картезианства: мир перестает быть «внешним» [5, 103]. Представление о всеобщей релятивности вещей крепнет у А. Эйнштейна, а еще более развернуто – в квантовой механике, Эйнштейном не признаваемой (спор с Бором о физическом смысле волновой функции).

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Параллельно в области гуманитарной мысли складывается представление о функционализме в общенаучном аспекте. Соответственно возрастает влияние философского иррационализма – достаточно вспомнить триумфальное шествие психоанализа и его широчайшую экспансию в литературоведение. Постепенно мерой всех вещей становится не протагоровский «человек вообще», но «человек конкретный», индивидуум во всей его неповторимости. К концу XIX – началу XX века стало очевидным, что науки, занимающиеся не природой, а человеком, должны иметь свой собственный методологический фундамент. Такова баденская школа неокантианства, чьи лидеры Вильденбанд и Риккерт устремляли исследовательский интерес на особенное и индивидуальное, что связано с ценностным отношением к реальности. А т. н. «философия жизни» (Дильтей, Зиммель, Шпенглер, говоривший о постижении человеком бытия мира в формате собственной жизни) прямо возникла как реакция на кризис механистического естествознания. Представители школы «философии жизни» обратились к жизни, как первичной реальности, целостному процессу непрерывного творческого становления, развития, что уже противостоит всему механическому, определенному, застывшему. Поднимается на щит интуиция, произведения искусства начинают считаться более адекватным способом выражения жизни, чем рационально-позитивистское описание.

Далее западная философия и филология, развивая новый общенаучный постулат о приоритетности человеческого сознания, двинулись по пути углубления в «чужое сознание», в частнос-

ти – в творческую лабораторию писателя и в его диалог с традицией, Этого нельзя не брать в расчет, если обращаться к фактам сближения филологии с антропологией и аналитической психологией (герменевтика М. Хайдеггера, П. Рикера и, в особенности же, Г. Г. Гадамера; в частности, важен тезис последнего, что предметом гуманитарных наук является нечто такое, к чему принадлежит и сам познающий, отчего механически копировать методологию естествознания в принципе невозможно; поэтому *понимание* – это не столько *познание*, сколько *интерпретация* текста, что ослабляет значение авторского смысла последнего и ведет к созданию нового смысла. Т.е., функция текста способна меняться.

Одним из ведущих, повлиявших на мировую науку, направлений в современной американской философии сознания (philosophy of mind), становится функционализм (англ. functionalism от лат. functio). Справедливости ради надо сказать, что идея функции впервые созрела в *математике*; перешла она и в науки о природе (например, в биологии: *мозг и его функции*; в социологии: *функция правительства, функция полиции* и пр). Но сегодня понятие функции активно работает и в собственно гуманитарных науках: в антропологии, в лингвистике, в литературоведении.

Особо важное место по выполняемым им функциям занимает языковой знак: сделанное Ф. де Соссюром различие двух сторон в знаке: означаемое (signifie) и означающее (signifiant) – трудно переоценить. Язык образует наиболее сложную и развитую знаковую систему и обладает способностью к передаче информации относительно любых фактов. Отсюда появление ряда функциональных грамматик: Ван-Дейка, Р. Ван Валина, М. Холлидея, С. Дика, А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой и др. Все это перетекает в становление когнитивных наук и исследований в сфере искусственного интеллекта. И, в противоположность, скажем, нейрофизиологии, отождествляющей ментальность с материальным миром, функционализм фактически провозглашает *независимость сознания от материи*. Вместе с тем, функционализм возник из потребности интегрирующего подхода к самым разнообразным явлениям [2], а разбираться в «обездушенном» материально-словесном тексте предоставляется теперь приверженцам формалистическо-структуралистского подхода, который, как и следовало ожидать, довольно быстро иссякает – по мере описания имеющегося физического (языкового) материала.

Данная парадигма, как ни странным это может показаться, стала в некотором роде «возвращением к христианству», которое впервые открыло ценность неповторимой человеческой индивидуальности и ее оценок. И не только христианства, но и духовного опыта ТаНаХа (Ветхого Завета) [Ref 2 и др.]. Здесь заслуживает особого внимания опыт ритуально-мифологической школы и вообще последователей Н. Фрая, которые с новым интересом начинают вчитываться в Библию как интертекст культуры [3, 6 и др.]. Спиритуализм Библии побуждает рассматривать земное бытие как нечто преходящее, выдвигать на первый план идею морального совершенствования в дискурсе сотериологической парадигмы. Это вошло в противоречие с античным наследием и определило внутреннюю конфликтность и динамику духовного поиска европейца. В частности, для восточнославянских культур Библия была еще как бы и «античностью», поскольку собственное языческое наследие, весьма уступающее по своим потенциям дохристианской греко-римской культуре, не могло составить сколько-нибудь серьезной базы ни в древности, ни в пору зарождения здесь ренессансного процесса. При этом античность как таковая выступала тут в христианской интерпретации; чувственный блеск вещей, их *эстетичность* (αἰσθητικός), воспринимались сквозь призму спиритуализированного идеала, согласно которому Творение само по себе не может быть прекрасным, ибо прекрасно лишь благодарное движение мира к своему Творцу (עֲלֶמָּה – olám). Характерно также, что в «материнской» византийской культуре мир человеческого, повседневных житейских ценностей, понимается как «профанное» – сообразно с известным разделением людей на телесных, душевных и духовных в 1 Кор. ап. Павла. Здесь также отсутствует интерес к «притягательности зла», на котором столь многое зиждется в культуре секуляризированной. Сознание «выспренного» человека тут явно доминирует над восприятием «чувственного блеска вещей».

Но в определенных областях сегодняшней постсоветской гуманитарной науки каким-то непонятным образом законсервировалась неизбывная инерция аристотелевой трактовки языковой деятельности человека, а также литературы и искусства, как чистейшего мимезиса, что в дискурсе просветительно-картезианских представлений уже превращается в некий «наказ» обязательно «отражать реальный мир». Здесь проигнорирована более глубокая, платоновская трактовка мимезиса как отражения *неполного, несовершенного*.

Еще в просветительской традиции художник стал мыслиться не только как безусловный «творений своих создатель», но и как судья, выносящий приговор действительности (Чернышевский). Опыт интерпретации реализма XIX века в современной ему литературной критике, да и в академическом литературоведении, развивался в контексте активной секуляризации культуры, и критика просветительского типа рекрутировала писателя в сферу «отображения реальности»,

т. е., социальных ситуаций и конфликтов; ее постулаты были канонизированы позже советской наукой о литературе.

И, хотя сегодня трудно сказать, что же она такое, эта пресловутая реальность, изрядная коргорта наших постсоветских литературоведов, игнорируя явственное смещение представлений о мире в современных естествознании и философии, стремится исходить из представлений, давно ими самими же изжитых. Эти представления, в частности, базируются на тезисе, предполагаемом «по умолчанию»: Сакральное – категория историческая, преходящая, а Эстетическое – категория вечная. На самом деле, Сакральное – категория, похоже, в принципе отличающая человеческое сознание от мироощущения животного; оно, видимо, *априорно*, как понятия времени и пространства. Многие полагают, что религиозность – врожденное свойство человека (такова, например, позиция авторитетного журнала *The New Scientist*). Во всяком случае, животные не имеют ни священных книг, ни храмов, ни богослужений, а серьезная история человеческой культуры строится исключительно на изучении такого рода «сакрального» материала в качестве глубинного фундамента этики, права, науки, образования, литературы и искусства. И этот очевидный факт свидетельствует о том, что религиозность есть отличительная, родовая особенность человека (см. об этом подробно наши статьи: 1, Ref 1). А вот Эстетическое – категория, вне греко-римской античности фактически не существующая.

Тем не менее, в советской и постсоветской традиции все еще удерживается имплицитная установка на примат «действительности» над творчеством. При этом «печной горшок» и наука, вооружающая инструментарием «покорения природы», все еще остаются как бы приоритетнее Сикстинской Мадонны. Между тем формирование т. н. «секулярных религий» вроде коммунизма или фашизма, строящихся, с одной стороны, как бы на научно-материалистическом базисе, а с другой – на откровенном мифо-утопическом мышлении, свидетельствует, что атеистическая «революция духа» обернулось не столько «научной перестройкой сознания, сколько примитивной вульгаризацией библейской картины мира. Тут Бог заменился Материей, а кропотливая христианская работа над обожением индивидуального человека – грубой и насильственной тоталитаристской «перековкой» массового сознания. Идея построения гармонического сообщества тут, на земле, и немедленно! – оказалась на поверку лишь варварской копией идеи достижения Небесного Царства. Роль Писания была возложена та «труды основоположников», роль Церкви – на Партию и пр. [7]. Отсюда закономерный вывод, сформулированный сегодняшним французским философом О. Бульнуа: эпоха Модерна и Постмодерна лишь варьирует и перетасовывает те основные вопросы, которые поставило Средневековье [4].

Висновки з даного дослідження і перспектива подальших розвідок у даному напрямку. Нам необхідно остаточно отойти от пережитков просветительно-коммунистического сознания в изучении и преподавании филологических дисциплин, в первую очередь – литературоведения, которое искусственно удерживает писательское слово в рабской функции некоего копировщика «реалий» и истолкователя их в духе пресловутого «социального заказа».

Список використаних джерел

1. Абрамович С. SACRUM в культуре как научная проблема / Семен Дмитриевич Абрамович // Естественно-гуманитарные исследования. Международный журнал. – Вып. 1 (3). – Краснодар: ООО «Академия знаний», 2014. – С. 98–108.
2. Беспалов В. Е., Сальников Л. В. Введение в функционалистику / В. Е. Беспалов, Л. В. Сальников. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 145 с.
3. Біблія як інтертекст світової літератури. Монографія / Заг. ред. С. Д. Абрамовича. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2011. – 428 с.
4. Бульнуа О. «Що нового? Середньовіччя» / Олів'є Бульнуа // Філософська думка. – 2010. – № 1. – С. 114–136.
5. Зотов А. Ф. Современная западная философия / А. Ф. Зотов. – 2-е изд., исправ. – М. : Высш. шк., 2005. – 781 с.
6. Лановик З. Hermeneutica Sacra / Зоряна Лановик. – Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ ТНПУ, 2006. – 587 с.
7. Чікарькова М. Ю. Біблійне розуміння людини як «царя природи» та особливості його експлікації в епоху технократизму / М. Ю. Чікарькова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та ім. В. И. Вернадского. Сер.: Философия. Культурология. Политология. Социология. – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62), № 2. – С. 113–118.

Анотація. У статті досліджено явище перенесення в науці від поч. ХХ ст. центру уваги з т. зв. «об'єктивного світу» на суб'єктивне світосприйняття спостерігача. У гуманітарних науках, зокрема в мовознавстві, запроваджується функціональний підхід. Проте у нашому літе-

ратурознавстві ще популярна теза про «відбиття реальної дійсності» в літературно-художньому творі.

Ключові слова: реальность, мимезис, отражение, субъективность, картина мира, интерпретация.

Summary. *The article investigates the phenomenon of transfer the Center of attention from the so-called «Objective world» on the subjective perception of the observer in the science from the beginning of XX-th century. As the transition from the mechanical picture of the world to relativistic begins to realize the importance of accounting for approximation (Kierkegaard); in E. Mach and R. Avenarius conception the ontology here is substantially different from Cartesianism; the idea of the general relativity of things grows stronger. Functionalism, which in fact proclaims the independence of consciousness from matter, formed from the need of an integrative approach to the most varied phenomena. In the humanities, in particular in linguistics, was introduced a functional approach too.*

This paradigm, however strange it may seem, has become, in a way, a «return to Christianity», which for the first time has revealed the value of a unique human personality and its evaluations. Spiritualism of the Bible encourages to consider earthly being as something transient, to highlight the idea of moral perfection in the discourse of the soteriological paradigm. Here deserves special attention the experience of the ritual-mythological school and in general the followers of N. Frye, who with new interest begin to read in the Bible as an intertext of culture.

However, the experience of interpreting of realism in the XIX-th century in contemporary literary criticism and even in academic criticism developed in the context of the active secularization of culture. The criticism of the Enlightenment type recruited the writer into the sphere of «mapping reality», i. e., the social situation and conflicts. These postulates canonized later by the Soviet science of literature. In our Post-Soviet literature science the thesis of «reflection of real reality» in the literary and artistic work is, unfortunately, still popular.

Key words: Reality, mimesis, reflection, subjectivity, worldview, interpretation.

Отримано: 18 липня 2017 р.

УДК 821.01.Ремизов

Д. С. Бураго

«РАСТВОРЕНИЕ БЫТА» В МЕМУАРАХ А. М. РЕМИЗОВА «ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ»

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями. Написанное А. М. Ремизовым производит впечатление «сна наяву»; все это подносилось как свидетельство «декадентства», но изначальная причина ситуации проста: до того, как у юного Алексея обнаружили сильнейшую близорукость и приписали очки, все вокруг представлялось ему расплывчатыми и чудовищными образами, которые он безуспешно пытался передать на бумаге, вызывая гнев преподавателей рисования. «Чудовище каких-то других измерений, похоже на кошмарное сновидение, в разливающемся, все проникающем звуко-цвете, с осиянием человеческого лиц и излучением предметов, вот та «натура», обособившая меня за тринадцать лет» [8, 62].

Мемуары писателя, выразительно названные «Подстриженными глазами», носят подзаголовок «Книга узлов и закрут моей памяти» – окружающее предстало перед юным Ремизовым как фантаσμαгория. «Мой мир – совсем другой мир, это был осиянный, пронизанный звучащим светом и окрашенный звуками мир, о котором знал только я. Но этого я еще не знал <...> Если бы можно – да некуда! и бесповоротно! – не уйти и не скрыться от этого резко-ограниченного трезвого мира, от оголенного математического костяка, преследующего каждый твой шаг, каждый твой взгляд, каждый поворот. Так вот она какая натура! <...> Бедные! бедные! бедные! люди – обездоленное нищее человечество! – тупая норма и нормальная тупость» [8, 59]. Образ «подстриженных глаз», ставший заглавием книги (1933–1946) формировался в определенном экспрессивном поле. Вспоминаются и описанная А. Куприным практика картежных шулеров подстригать кожу на кончиках пальцев, чтобы чувствовать метку на рубашке крапленой карты, и маяковское «Будьте добры, причешите мне уши», и знаменитый разрезаемый глаз в заставке кинофильма Бонюэля. Образ Ремизова призван передать ощущение невыносимой боли от прикосновения «обнаженным нервом» к вещам, и тут слышится отзвук экспрессионистского мунковского «Крика».